

2 5 АПР 1969

Вечерний Новосибирск
г. Новосибирск

ПО ПРОСЬБЕ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Художник и сцена

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

В ПЕРВЫЙ РАЗ Я ПОШЛА В ТЮЗ НА «КОШКИН ДОМ». МНЕ БЫЛО СЕМЬ ЛЕТ, НО ТОГДА Я МАЛО ПОНИМАЛА, ЧТО ТАКОЕ СПЕКТАКЛЬ. КТО ТАКОЙ АРТИСТ. А СЕЙЧАС Я СЧИТАЮ ТЕАТР ВТОРЫМ ИНСТИТУТОМ, КОГДА МНЕ ОЧЕНЬ ГРУСТНО, Я ИДУ В ТЮЗ, СМОТРЮ КАКОИНИБУДЬ ВЕСЕЛЫЙ СПЕКТАКЛЬ, И СРАЗУ СТАНОВИТСЯ ЛЕГКО НА ДУШЕ. ВСПОМИНАЮТСЯ ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ И ВЫПУСКНОЙ КЛАСС. Я ОЧЕНЬ БЛАГОДАРНА ТЕАТРУ ЗА ВСЕ, ЧТО ОН СДЕЛАЛ ДЛЯ МЕНЯ — АРТИСТАМ, РЕЖИССЕРУ, ХУДОЖНИКАМ. НО ЕСТЬ У МЕНЯ ПРОСЬБА — РАССКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, О ТВОРЧЕСТВЕ ГЛАВНОГО ХУДОЖНИКА ТЮЗА К. ЛЮТЫНСКОГО.

С УВАЖЕНИЕМ А. ЗЕМЛЯНСКАЯ.

ПЕРВЫЙ визит в ТЮЗ, к Лютынскому, закончился неудачно. «Он в командировке, — ответила секретарь. — Когда будет, не знаю».

Поднялась на третий этаж уточнить, когда вернется, и неожиданно попала в кабинет художника. Правда, сейчас там распоряжалась уборщица — выметала стружку и опилки, стирала пыль со стола, заваленного бумагами, кисточками, какими-то деревянными фигурками, миниатюрными скамейками, креслами... Насмотря на её старания, кабинет по-прежнему сохранял свой, своеобразный вид: тот же беспорядок царил на письменном столе, с той же «причудливой фантазией» были разложены плотничьи, токарные и столярные инструменты на полке.

Казалось, в этом беспорядке трудно найти необходимую вещь. Так оно и есть, наверное, для постороннего. Но не для хозяина. В следующий мой приход, я уже застала его в своем рабочем кабинете. То, что Лютынский у себя, догадалась еще издали — из раскрытых дверей кабинета вываливались клубы папиросного дыма, доносился стук молотка. Ну, конечно, хозяин дома.

Константин Георгиевич готовил макет декорации к новой постановке театра «Горячее сердце» А. Островского. Ловко, умело орудовал он лобзиком, выпиливая из кусочка фанеры замысловатые «облака», прикреплял их с помощью нитки к «колосникам» и подвешивал над крошечной сценой. Покончив с ними, художник брался за новую работу — строгал, выпиливал, склеивал, сколачивал миниатюрное крыльцо к дому Курслепова. Много позже, когда крыльцо «увеличат» в два-

дцать раз в «столярке», затем покрасят в декорационном цехе и установят на сцене, вывалится на него Курслепов, произнесет свой знаменитый сакраментальный монолог: «И с чего это небо валилось?.. Неужто ж это я в аде?..» И начнется спектакль, сойдутся сюда герои пьесы, безжалостно высмеянные Островским.

Но до спектакля еще далеко. еще актеры репетируют свои роли без костюмов и декораций, еще исполнителю Курслепова стул заменяет крыльцо, еще в пошивочном цехе кроится фрак для Васи и еще мастерит в своей мастерской Лютынский.

ДА, его кабинет театрального художника больше напоминает мастерскую, рабочий цех. И как-то очень уютно и естественно выглядит в нем, среди этого строгого беспорядка, сам хозяин, сидит ли он за столом, склонившись над чертежом, или возится возле тисков с очередным бруском. Порой поражаешься, откуда у этого плотного и, казалось бы, мало подвижного человека, ловкость, проворство, четкость высококвалифицированного мастера. Может быть, из прошлого — когда он работал фрезеровщиком на Ленинградском заводе «Вибратор», или когда, увлекшись самостоятельностью, рисовал и изготовлял декорации для спектаклей драмкружка в заводском клубе, или во время учебы на театрально-постановочном факультете Ленинградского института музыки, театра и кино?

Любопытен факт поступления К. Лютынского в институт, на факультет, руководимый известным художником и режиссером Н. П. Акимовым. И любопытен тем, что

потребовал от Кости — юноши довольно застенчивого, неразговорчивого, — решительного и своего рода отчаянного поступка. Лютынский тогда жил и работал в Ленинграде, а Акимов — в Москве. В один прекрасный день Костя, уложив в чемоданчик свои эскизы, рисунки, вылетел в Москву (отказался от поезда намеренно, боясь, что пройдет запальчивость). Прямо с аэродрома пришел в Вахтанговский театр, Акимов там не оказалось. Облегченно вздохнул — все-таки встреча с обожаемым и почитаемым художником, рискованная и грозившая провалом, отсрочилась.

Надолго? Может быть, навсегда? Эта мысль вновь вернула юноше решительность и смелость, и он... отправился на квартиру к Акимову. Хозяин принял гостя любезно, но сдержанно. Когда дело дошло до дела — привезенных рисунков и эскизов, художник оживился: «Мил человек, да Вам учиться надо. Беру к себе».

Так Лютынский стал студентом и одним из уважаемых учеников Николая Павловича Акимова. Семь лет назад он по распределению приехал работать в Новосибирский ТЮЗ. За это время оформил сорок восемь спектаклей, из них около тридцати в ТЮЗе, остальные — в театрах Барнаула, Хабаровска, Омска, Целинограда. В основном спектакли — по пьесам русских и советских авторов.

— Это мне ближе, — пыхит папирсой, говорит К. Г. Лютынский. — Нравятся многие западные драматурги, но оформлять постановки по их пьесам не берусь. Правда, в практике такие случаи были.

Любимой своей работой, из последних, художник считает оформление «Чайки». Рассказывает о том периоде как-то особенно тепло и душевно. Признается, что сказки — его слабость, в буквальном смысле слова, что не понимает их настолько, чтобы оформлять декорации к ним. Почему? Возможно, потому, что детство у Кости совпало с трудными голодными годами в блокадном Ленинграде, когда было не до ска-

зок, когда пятилетний пацан за один день, а то и час, становился подростком, а подросток — взрослым человеком.

И, может быть, этот город, полный удивительных контрастов, прославленный своей стойкостью, мужеством, воспитал в нем, художнике, любовь к ярким контрастным краскам, самый почитаемый из которых — красный — цвет борьбы, героики, жизни.

Вот и в этом спектакле, «Горячее сердце», он нашел свое «применение», но в ином плане: яркий малиновый портал обрамляет серенькое овальное «зеркало» — этакое пасхальное яичко — символ мещанского счастья и благополучия. По ходу спектакля в «зеркале» будут меняться декорации, но броский своей малиновой яркостью портал останется, подчеркивая нелепость жизни, где царят Курслеповы, Градобоевы.

Работа театрального художника сложна. В чем сложность? На это лучше всего ответил сам К. Лютынский:

— Главнее в нашей работе — найти «золотую середину», то есть отстоять свое и подчиниться требованиям режиссера.

ДА, работа театрального художника сложна своей «зависимостью» от замысла постановщика-режиссера. И здесь очень важно найти единомышленника. Таким стал для К. Г. Лютынского Владимир Валентинович Кузьмин, главный режиссер ТЮЗа.

— За семь лет работы с ним, — рассказывает Константин Георгиевич, — случалось, и не сходилась наши взгляды. Бывало, принесешь ему первые наброски, покрутит, повертит в руках, молча вернет. Ну, значит, не то. Снова пробую. Один вариант, другой, глядишь, третий как будто то, что надо. Несу. Опять Кузьмин вертит листок, разглядывает. И вдруг оживится, начинает фантазировать, мысленно дорисовывать, «лепить» мизансцены.

...В ТЮЗе настал перерыв, разошлись актеры после репетиции, стихло все и на сцене, и в коридорах театра. Только кабинет Лютынского бодрствовал. Здесь на подмакетнике — уменьшенной в двадцать раз сцене, уже жил спектакль, жил тот провинциальный городок Калинин, обитателях которого рассказывал великий драматург.

В. ГОЛОВИНА.